

Рассказывает
Александр Калягин

СТРЕМЛЮСЬ К НЕОЖИДАННОМУ

— Доказывать сегодня, что Александр Калягин актер популярный, не приходится. И все же, если вспомнить, как пришла к вам популярность?

— Есть разное вхождение в искусство. Одни сыграют большую роль — и сразу попадают в знаменитости. Что им делать дальше? Всеми силами стараться удержаться на этом уровне, а если это предел, «потолок» для актера? Некоторые, сыграв хороший эпизод, с каждым разом все более и более совершенствуют свое мастерство, набирают высоту, воздух — и идут дальше. Или остаются на уровне сыгранного ранее эпизода. А есть другая группа актеров, к которой, как мне кажется, принадлежу и я. Они постепенно входят в искусство. В данном случае я говорю о кино. Они привыкают к процессу съемок. Кино привыкает к ним, постепенно принимает таких актеров, происходит своего рода адаптация их друг с другом. Так начинал и я.

Сначала у меня были маленькие эпизоды, плохо написанные и плохо мною сыгранные. Постепенно, набирая опыт, мастерство, стал играть роли, а потом — и главные. Вероятно, это свойственно моей натуре: во все входил постепенно. Не могу, например, сразу начать играть роль. Надо пробовать, пробовать... Много раз, чтобы выбрать единственное решение. Мне свойственно это постепенное привыкание. Видимо, так устроены моя психофизика, мои нервы, душевные и физические данные. Я боюсь сразу сделать первоначально неверный вывод. Так все мое вхождение в искусство было органично и постепенно. Я прошел все круги: от полной неизвестности к постепенно приобретенной популярности. И я прекрасно понимаю, какие роли мне принесли настоящую известность, а какие — лишь легкую популярность.

— Чем является для вас популярность?

— В нашем актерском деле (со мной можно не соглашаться и спорить) важно не что играть, а как играть. Что — ясно из текста. Что — мы определяем с режиссером. А дальше идет мое актерское ремесло: как это сделать. И от актера зависит, упростит он или наполнит своими чувствами, своими нервами режиссерское что. Будет ли оно звенеть? Так и в данном случае, все зависит от того, как относиться к проблеме популярности. Я отношусь иронично. Она сама по себе этого требует. Для меня популярность — не проблема. Я не заземляюсь на ней. Могу шутя поддаться. И только!

— Но она существует...

— Конечно, раз люди на себе это испытывают... И я вижу — не слепой. Все понимаю, ощущаю... Я считаю, что популярность — это подложка в жизни актера, то испытание, которое ему посылает судьба, — медные трубы. Может, тут и главное испытание. Как будто сам бог дает пройти актеру и через этот круг трудностей. Один из экспериментов в жизни. Выдержит ли ты? Выстоишь? А в нашем деле, если человек теряет свои обожженные нервы, то он уже перестает быть актером. Уже не может душой, глазами выразить то, что мог бы! Популярность проверяет человека посильнее, чем личные драмы. Вот тут и...

Недаром говорится: «Если хочешь проверить человека, дай ему власть! Популярность актера — власть над зрителями — это тоже проверка его личности».

— Приходится ли вам ежедневно завоевывать зрительный зал или он уже завоеван?

— Когда я выхожу играть, то у меня нет ощущений, что я должен завоевать зрительный зал. Просто не думаю об этом. У меня как актера на данный этап времени только одна задача: не разочаровать. В этом плане идет борьба за зал. Для меня главное, чтобы он был рад встрече с любимым актером. Роль может быть любой, даже трагической, но радость от встречи должна остаться все равно! Часто зритель идет в театр на актера. И каждая актерская фамилия имеет за собой основу, историю — шлейф сыгранных работ в кино или в театре. Моя фамилия тоже имеет такого рода шлейф. Но мне всегда хочется быть неожиданным. Приятно неожиданным. Чтобы зритель сказал себе: «Вот такого Калягина я еще не видел нигде!»

Тут есть и другое... Есть борьба за то, чтобы убедить в правомерности своей трактовки образа. Убедить, что, например, Тригорин — такой, как я его себе представляю. Не всегда это, правда, получается. Иногда удачно играешь лишь какие-то отдельные сцены.

Или в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся». Есть люди, которые видели его не только в МХАТе, но и в Театре сатиры. Прекрасно относятся к исполнителю роли Шиндина — Андрею Мионову, уважая его и любя, я все же настаиваю на своем взгляде на этого героя. И уже в этом плане мне надо завоевать зал, убедить, что только так надо играть эту роль. Актер и не может иначе! На сцену он должен выходить с ощущением, что то, как он играет, — это единственно возможное решение. Он должен быть полностью уверен в своей трактовке образа и в себе. В этом, видимо, одна из загадок актерского искусства.

— Отражается ли популярность на личности актера?

— Такие категории, как деньги, несчастье, популярность по большому счету, влияют на перерождение человека, а на актера особенно. И я больше всего боюсь «зажиреть» в искусстве, боюсь перерождения... Ведь популярность попросту некоторых людей «свихивает». Это процесс внутренний, казался бы, неувидимый. Когда происходит внутреннее перерождение и постепенно изменяется человеческое нутро. Меняется логика. Человек начинает оправдывать свое поведение. Каждый этому подвержен... А особенно актер. Вполне возможно, что в чем-то это происходит и со мной. И во мне изменилось что-то, конечно... Но тем не менее я знаю, что есть какие-то внутренние ограничители, которые меня обязательно спасут. Я в этом твердо уверен.

— Что же это все-таки за ограничители?

— Нельзя выделить что-то одно, например культуру, интеллигентность, воспитание или внутренний человеческий стержень. Это не так. Видимо, и культура, и воспитание, и ин-

туиция, и быт, и друзья — все вместе помогает избежать перерождения. Все эти категории должны дополнять друг друга, сосуществовать в органичном равновесии.

Вообще-то все это очень сложно, и тут есть над чем подумать. Что касается лично меня, то мне помогли воспитание, моя дочь, жена, некоторые друзья, интуиция. И еще у меня, как мне кажется, есть охранный грамота. Как бы это объяснить? В каждом моменте счастья вспоминается что-то грустное... Мало кто знает другую сторону счастливых мгновений: чего они стоили актеру!...

...Я никогда не могу отдалиться радости весь. Не могу! У меня всегда радость подмешивается какими-то грустными нотками. В счастливые минуты у меня бывает грустный глаз... Все начинают обращать на меня внимание, успокаивать, ободрять, хвалить... Говорю честно, я не кокетничаю в эти минуты, не напрашиваюсь на комплименты — нет! Для меня это органичное состояние. Я так устроен. У меня это сочетание грусти и радости вылилось в творчестве, в тяготении к трагикомедии. Кстати, мне кажется, что для меня сейчас это единственный жанр, который не позволяет заостенеть.

В самые счастливые, пиковые моменты я всегда вспоминаю, что был никем. Думаю о том, как мне все далось. Каким трудом, везением, порой и невезением, порой интуитивно пришел к тому, что я сейчас имею. Родители мои не были актерами, так что помощи не было. Когда я слышу: «Известный актер Калягин», я всегда помню, какой я был неизвестный! Помню все мои первые боли в театре, постоянные трудности... Я всегда помню свое детство. Отца не было, он умер, когда мне был один месяц. Я воспитывался одной мамой. В детстве меня всегда называли маленьким сыночком. Я действительно был пухленьким, здоровым мальчиком. Но обидное «маленький сыночек», которое всеми нервами и всей душой запомнилось в детстве, стало для меня на всю жизнь больным, неуходящим...

— Мешает ли популярность в процессе работы?

— Я человек психологически зажатый. С комплексами. Популярность дает мне возможность внутренней свободы. Когда я внутренне свободен, то чувствую, что могу сделать что-то действительно серьезное в роли. У меня есть пример. Когда поступил в Щукинское училище, меня с первого курса хотели гнать. По программе актерского мастерства был раздел «Этюды на образ». Так вот эти злосчастные этюды на образ у меня не получались. Сейчас, прожив в искусстве несколько лет, работая в театре, сыграв много кино и телеролей, я понимаю, что этюды должны играть люди внутренне свободные. Тогда у меня этого не было. Я был банальный, деревенный... Да еще с моей внешностью! Не герой и не ярко выраженный комик... Был такой мальчик пухловатый, кругленький... Кто это? Что это? По такому лицу трудно было определить, куда его кинуть, в какое амбула. Какие нервы в нем разрабатывать?.. Был неинтересен, и стал вопрос о выгоне. В то время в институте был

показ самостоятельных работ. Это происходило обычно весной. Я выбрал чеховский рассказ «Свидание хотя и состоялось, но...». В который раз меня Чехов выручает! И когда я сыграл этот отрывок, все для меня перевернулось. Об этой работе говорили, включили в программу общего показа лучших студенческих работ. Старшекурсники «старики» бегали смотреть. С этого момента началось все! Мне было хорошо. Хорошо по настроению, собственному ощущению. Мне казалось, что я все могу — и в дальнейшем у меня тогда почти все получалось! А объяснялось это тем, что внутренне я был свободен.

В работе над Тригориным в недавней «Чайке» МХАТа было другое. Началось все с назначения на роль: Тригорин — и вдруг я!!! В данном случае популярность сработала на минус: меня не освободила. За моими плечами все время стоял чеховский Платонов, сыгранный в кинофильме «Неоконченная пьеса для механического пианино». Один из лучших, как мне кажется, созданных мною образов. Это состояние невыносимое! Все ждали этого уровня и выше. Ждали Калягина — Тригорина, ждали нового взлета. В процессе работы это постоянно делало. Я это чувствовал. Знал, что это носится в воздухе. Но старался не придавать значения. Мне самому хотелось создать образ не хуже Платонова...

Так популярность меня, с одной стороны, освободила внутренне, а с другой — помешала. Мешала!!! Я не подошел к роли с «чистого листа». А подошел как популярный, опытный актер. Но это редкие случаи. Обычно забываешь о популярности, когда работаешь. К каждой роли я стараюсь подходить как начинающий, с ощущением, будто у меня нет опыта. Только тогда можно сделать что-то чужое, что-то свое. В основном популярность чувствуется в быту. А так, в работе — что она есть, что ее нет...

— Ну а в быту?

— Известный актер, сами понимаете, все время на виду. Обсуждается его семейное положение. С кем, когда его случайно видели в кино, в театре, в каком настроении. Известный человек имеет больше друзей и недоброжелателей. Я прекрасно знаю, что у меня есть и такие. Раньше относился к этому очень болезненно и щепетильно. Сейчас я также переживаю, но отношусь более мудро. Теперь для меня важно, кто это говорит, мое отношение к этому человеку. Искренне скажу, что все замечания я не пропускаю мимо себя. Это мне помогает в работе. Порой я даже специально торжественно знакомых, провоцирую их на откровенных разговорах...

Или вот еще письма. Писем приходит много — и все они разные. Интересных, серьезных писем приходит больше. Я очень ценю честные письма, когда человек решается поделиться своим горем, высказаться... Тогда начинаешь по-другому относиться к себе, к своему творчеству. Понимаешь, что твоя актерская и человеческая значимость в искусстве такова, что ты не можешь уже что-то плохо сделать. Возрастает ответственность.

Беседу вела
О. ПОЛОЗКОВА.